

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 31 января 1987

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 31 de enero de 1987 No. 1905

МЫСЛИ ВСЛУХ

ОГРАНИЧЕНИЕ, А НЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

Зависимость членов "отдельных" и "независимых" государственных властей от партийных аппаратов, которые их выдвинули и которые их направляют в их специфической деятельности, еще усугубляется их, так называемой, "попальностью" по отношению к партийным догматам. Эти догматы, составляющие стержень партийных идеологий, иногда воплощаются в партийных платформах, но не всегда. Так как партии публикуют свои платформы, то они утверждают, что избиратели избрали не только тех или иных своих конкретных представителей, но и те или иные платформы. Но эти платформы являются лишь видимой частью идеологических айсбергов, а "представители" волей-неволей придерживаются *всей* партийной идеологии, видимой или невидимой. Представители как бы "магическим" в определенном направлении, и, фактически, не имеют своих собственных позиций.

Таким образом, фиктивное разделение государственных властей, в действительности, обходится путем подчинения всех этих властей партийной дисциплине и идеологической ориентации.

Больше того, это разделение не в состоянии предупредить злоупотреблений властью, и не только потому, что оно остается на бумаге, но и потому, что *по своему замыслу оно неправильно считалось вполне достаточным* для предупреждения таких злоупотреблений.

Опять же можно обратиться к опыту Латинской Америки, где вот уже более чем полтора века всеми силами насаждаются конституции, строго требующие "разделение властей". С тех пор, как Карл Маркс провозгласил "централизацию кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и с исключительной монополией" ("Манифест коммунистической партии"), во многих из этих стран не только были насаждены "национальные банки", но и было достигнуто такое положение, при котором эти банки стали фактическими хозяевами не только этих стран, но и их жителей. Против такого злоупотребления государственной властью не помогли никакие конституции с их "разделенными властями". Отчасти потому, что в них ничего не было сказано об ограничении государства, об ограничении государственной власти как таковой (независимо от того, разделена ли она или нет на части) и об ограничении государственной бюрократии.

Именно в этом направлении необходимы спешные конституционные реформы, ограничивающие государство, его органы и его бюрократию, и защищающие граждан от них.

И. А.

Г. ГЕРШАН

Меняют «морду лица»

Газеты и радио разнесли по всему миру новость. Андрея Дмитриевича Сахарова и его жену Елену Боннер амнистировали. Теперь они могут вернуться в Москву и даже больше того — утром пойти на работу. Если есть силы и желание. Партийный старшина дал команду впускать в свою собственную квартиру и в виде особой милости — допу-

стить до работы.

Был в ссылке, теперь в Москве. Выгнали с работы, теперь приглашают. Это факт. Ну чем не потепление, не оттепель, да что оттепель, просто весна. Крупным планом улыбки по телевизору, крупным шрифтом шагает оптимизм по газетным столбцам. Сгоряча хочется сердечно поблагодарить коммунистическую партию,

ее центральный комитет и лично товарища Горбачева Михаила Сергеевича. И тут же задумаешься. А собственно за что благодарить-то?

Небольшая кучка политических уголовников, прикрыв татуированное тело красным знаменем и размахивая переводами утопических и бесплодных идей Маркса и Энгельса вырвала власть у демократических партий, захватив в плен все народы России. И вот уже около 70 лет с военнопленным обращаются так, как обращается победитель с побежденными: по законам беззакония. Недаром СССР с первых своих шагов обогнал все культурные и цивилизованные страны по производству колючей проволоки на душу населения, забитую и запуганную. Чему же тут удивляться?

Андрей Дмитриевич академик, ученый русский — для всего мира, но только не для СССР. Здесь он рядовой военнопленный. Которого можно сослать в Горький, а можно и вернуть в Москву, не утруждая себя и судей этими пустяками.

Мы все уже видим на собственном печальном опыте: опоры коммунистического дома оказались гнилыми. Вместо диктатуры пролетариата диктатура, извините за выражение, личности. Государственная собственность на средства производства уверенно тянет страну в лагерь слабо развитых государств Азии, Африки и Латинской Америки. Колхозный строй уже давно не в строю. Люди убегают от этой, так называемой, коллективной собственности, как от чумы. Все это понятно и нам и в Кремле и на Старой площади в Москве. И тем не менее они продолжают кормить грудью народа явно умирающее дитя: идею коммунизма.

Настали другие времена, а с ними и другие нравы.

При Сталине: пуля в затылок в грязном тюремном коридоре.

При Горбачеве: шприц в руках доктора в белоснежной палате психбольницы.

Давайте отвлечемся от советских психбольниц. Можете ли вы себе представить, что Рейган сослал американского Сахарова — доктора Эдварда Теллера — отца водородной бомбы в Сиэтл, за то, что он не согласен с его политикой? Ах, не можете?! Так не представляйте себе коммунизм с человеческим лицом.

Змея каждый год меняет кожу. Ну так что из этого? Свою змеиную сущность — жало она оставляет себе на пожизненно.

Шакал — всегда шакал и когда он убивает и когда он отдыхает от убийств.

Не будьте детьми, на убаюкивайте себя видом спящего шакала. Нельзя представить себе коммунизм с человеческим лицом. Чехи это поняли на собственной шкуре. Так поверьте чехам: коммунизм может менять только одну морду на другую.

Г. ГЕРШАН



Спасти Сергея Ходоровича!

Сергея Ходоровича убивают в лагере за Полярным кругом. Власти окружают зловещей тайной его состояние, он — в полной изоляции, в закрытом для въезда полярном Норильске, его лишили права переписки, — однако только что стало известно, что 17 октября его поместили в лагерную тюрьму (ПКТ) на шесть месяцев, после того, как два месяца без перерыва продержали в карцере (ШИЗО). В таком же ШИЗО его держали этой весной '89 дней подряд. По закону максимальный срок — 15 дней. В ШИЗО чередуются: день — никакой еды, день — фунт хлеба и вода; холод — и раздевают до белья.

Сергея Ходоровича пытаются с самого ареста в 1983 году. Его жестоко избивали в московской тюрьме несколько месяцев подряд, сломали ребра, отбили внутренности, — тщетно добиваясь ложных показаний против Фонда помощи заключенным, которым он руководил. В апреле 1986 года ему продлили срок еще на три года.

Сергей — тяжело болен; у него лишь одно легкое после туберкулеза в зношении, разрушены печень и желудок, уже больше года — все тело в страшном отеке.

Может быть, теперь, после смерти Анатолия Марченко, мир осознал, что в советском ГУЛаге убивают людей? Сергею Ходоровичу грозит смерть за благотворительность — в какой еще стране это возможно?

НАТАЛЬЯ СОЛЖЕНИЦЫНА
Президент Русского общественного фонда

БИБЛИОГРАФИЯ

К. Померанцев. "Сквозь смерть" (Париж, 1986).

Малосимпатичным воспоминаниям К. Померанцева предислано вовсе антипатичное предисловие Б. Филиппова. Сей последний с восторгом цитирует слова Ключева "Ну, ну, а правда-то какая? Скажи, а? Ты ее видал, да? Щупал? Трогал? Что она — как девкина грудь или как бычий хвост?" Изречение *олонецкого умника* (как его именует Филиппов) есть перефраз пилаговского: "Quid est veritas?", в грубой, почти непристойной форме. Но проконсул Иудеи имел в виду философию. В области же мемуаров, отклонения от истины превращаются в дезинформацию, и читатели вправе протестовать.

Еще хуже, когда Филиппов с одобрением повторяет парадокс Г. Уэльса, что "биографию человека должен писать его заклятый враг"! Да не хотим мы вовсе *таких* биографий читать! И особенно, — когда речь идет о писателях и поэтах, больших или хотя бы малых. Отметим еще, что автор, который обо всех говорит плохое, обычно сам дурной человек; и наоборот. На 9 страницах Филиппов упражняется в мысли, будто надо о знакомых, в первую очередь о покойных, рассказывать самое худшее, что припомнишь (и не большая беда, ежели и соврешь). О Померанцеве же снисходительно роняет, что он де принадлежит к категории "добрых мемуаристов".

Так ли? Сдается, большинство разбираемых в данной книжке (хорошо еще, что небольшой!) литераторов остались бы весьма ею недовольны. Будь они еще живы...

Поражает, помимо прочего, самобуверенность, с какою воспоминатель, — сам-то поэт третьеклассный, а по сути дела и вовсе не состоявшийся, — судит о поэтах куда более, чем он, значительных, и расставляет им отметки. Трудно согласиться, что С. Маковский был *бесполезным версификатором*, а поэзия С. Прегель была "средней, или как у нас говорили, "на уровне". Оба были весьма талантливы, а их относительно малый успех объяснялся соображениями политическими: первый был чересчур нейтрален, вторая — слишком левой (хотя в ее стихах и в ее превосходной книге в прозе "Мое детство" это никак не сказывается).

И совсем уж возмутительно, когда примерно то же говорится о В. Смоленском, одном из наиболее выдающихся стихотворцев эмиграции: "Он не был большим поэтом"! Как уточняется рядом, на выступлениях Смоленского зал всегда бывал переполнен; а публика, что ни говори, редко в таких делах ошибается. Если бы, однако, дело ограничивалось этим...

Но, настойчиво ссылаясь на близкое якобы знакомство, мемуарист подсовывает нам всякую чушь; например, о неладах поэта с женою. Сам знав Смоленского несколько лет, часто бывав у него в гостях, до его предсмертной болезни (не говоря о встречах в других местах), я всегда наблюдал, что они жили душа в душу. Даже злые языки, — каких в Париже много, — признавали их за дружную пару, взаимно друг друга дополняющую и понимающую, и во всем друг друга поддерживающую.

Вот, — как оно из самих данных мемуаров и видно, — что жена Смоленского не любила г-на Померанцева, это вероятно правильно, да и вполне понятно: он, например, описывает, как в деревне, во время капикула, подбивал Смоленского на

пьянство, причем вдвоем они высасывали целую бутылку мерзкой, вреднейшей французской самогонки. Хотя обычно-то Смоленский пил мало; я его пьяным никогда не видел.

Выпишем все же и верное, что Померанцев отмечает о Владимире Алексеевиче: "Единственно кого он ненавидел, — это большевиков, убивших у него на глазах отца. Для него они были палачами "его России". Поэтому, когда после Второй Мировой войны немногие русские эмигранты, среди которых были и близкие ему люди, взяли советские паспорта и ждали возвращения на родину, Владимир к ним охладел, не поспорил с ними, а именно охладел: вычеркнул их из своей души".

Такое поведение, видимо, Померанцеву не очень нравится. Заметим слова *его Россия*, взятые в кавычки. И то, что тут же Смоленскому противопоставляется Г. Иванов, который "понял, что жить в двух мирах нельзя". Похоже, что это относится к тому, что Г. Иванов, как и Померанцев, поддался на время советскому утару, после победы Сталина над Гитлером; чему Смоленский остался полностью чужд.

Есть кусочек правды у Померанцева и в описании внешности Смоленского: действительно, он "был очень красивый человек". Приложенная к книге фотография неудачна, и не передает его наружность. А он был впрямь хорош собою, — одухотворенной, задумчивой и несколько меланхолической красотой.

Зато о его внутреннем мире мы ничего от Померанцева не услышим, кроме вздора. Смоленский на деле являлся человеком не только глубоко религиозным, но и мистическим, визионерским уклоном. Впрочем, об этом желающим лучше всего поведать собственные его стихи...

Но оценив по достоинству Смоленского, поставив его на одну доску с меньшими, порою и сомнительными поэтами как Одарченко, Гингер и Мамченко, Померанцев до крайности неумеренно воспекает, напротив, Г. Адамовича, извращенного, изломанного человека, столько наделавшего бед в эмиграции, в своей роли критика — гонителя Цветаевой, хулителя Достоевского (которого он объявлял... "писателем для юношества"! ну не идиотом ли надо быть, чтобы такое выпалить?!). Что ж: на вкус и на цвет, товарища нет... Но зачем Померанцев, вопреки истине, нам представляет этого аморального эстета верующим христианином (добавляя, правда, что "не церковным")? Ю. Иваск, сохранивший для потомства безбожные и безобразные высказывания, в беседах с ним о религии, парижского мэтра, сделал гораздо честнее...

О Г. Иванове, крупном поэте, и с которым он, очевидно, был в самом деле хорошо знаком, Померанцев мало что нашел нам сообщить: что он к концу жизни сильно нуждался; что он был *закоренелым монархистом*, да еще, — что он любил соевые огурцы и *русскую селедку*.

Ряд очерков посвящен людям менее выдающимся, и о них мы, по недостатку места, рассуждать не станем. Хотя и тут часто можно бы сделать автору серьезные возражения.

Владимир Рудинский

И смех и грех...

— Возможна ли, в принципе защита ядерного реактора от дурака?

— Даже от идиота, но только не руководителя!

Языковые Уродства

А Б С О Р Б Ц И Я

Сие слово на каждом шагу падает в русскоязычных журналах, издающихся в Израиле (где даже существует специальное Министерство Абсорбции). Между тем, оно образовано неправильно.

В основе его лежит латинский глагол *sorbo* "глотать". А он аналогичен глаголу *scribo* "писать"; от ко-его в русском языке произведены существительные *транскрипция* и *проскрипция*. И произведены совершенно законно, ибо и по-латыни соответствующие формы изображаются через *p*: *transcriptio*, *proscriptio*. Равно как и по-французски, — *transcription*, *proscription*, и в других европейских языках.

Следовало бы, конечно, писать *абсорпция*.

КИЛО АПЕЛЬСИН

В "Русской Жизни" от 29 августа с. г., в статье В. Данилова "Немного о наркотиках и наркоманах в СССР", мы встречаем сочетание: *купить кило апельсин*. Оно незаконно, хотя подобные обороты нередко можно слышать в нынешней России. Да и в "Русской Мысли" нам случилось читать нечто сходное: *суп из помидор*.

На деле, после обозначения меры или веса как *пуд*, *фунт*, *килограмм* или, допустим, *мешок*, *бочка*, *пакет*, по-русски употребляется родительный падеж (единственного или множественного числа, смотря по материалу, о коем речь). В данном случае, нужен родительный падеж множественного; а, поскольку *апельсин мужского рода*, он и будет *апельсинов* (как равно было бы *кило мандаринов*, *помидоров*, *бананов*, *фиников*). Вот от *фига* было бы образовано *кило фиг*.

Сходную ошибку видим мы, в той же газете, в номере от 9 сентября, в довольно живом и интересном очерке В. Назимова под заглавием "В поисках золотой форели". Тут на сцену появляются *стада барашек*. *Барашек*, это есть единственное число мужского рода; в силу чего *стадо* только и может состоять из *баранов* или *барашков*. Слова *барашка* не существует; ибо женский род от *баран* есть *овца*, а от *барашек*, соответственно, — *овечка*. *Стадо овечек*, с грамматической точки зрения, было бы вполне приемлемо.

Здесь же, намного дальше, мы наталкиваемся на промах иного рода, но, пожалуй, еще более неприятный: упоминается индеец *из племени "Черной ноги"*. Увы, автор должно быть не читал в детстве ни Майн Рида, ни Купера, и уж наверное не учил на родном языке ни географии, ни этнологии. Данное племя называется у нас *племенем черноногих*. Так что и представителя его следует именовать не *черной ногой*, как дальше многократно делает Назимов, а *черноногим*. Когда русский человек думает по-английски, — результат всегда плохой; в литературе или журналистике — наипаче.

Аркадий Рахманов

Политический Калейдоскоп

Как всегда в начале нового года, в газетах появляется ряд статистических цифр, относящихся к минувшему году. Одна их таких цифр бросается в глаза: Западная Германия в 1986 году достигла самого большого положительного сальдо во внешнем торговом балансе за всю свою историю: 110 миллиардов марок (приблизительно 58 миллиардов долларов). Это сальдо превышает сальдо прошлого года на 50 % (в 1985 году оно достигло 73 миллиардов марок). Экспорт Западной Германии в 1986 году достиг 522 миллиардов марок (275 миллиардов долларов), а импорт 412 миллиардов марок (217 миллиардов долларов). Одновременно, благодаря таким результатам, Западная Германия заняла первое место в мире в 1986 году, в числе всех экспортирующих стран.

Одновременно, Япония тоже достигла рекорда в области внешней торговли. Ее положительное сальдо внешнего торгового баланса 1986 года достигло 82 миллиардов долларов, то есть еще больше чем сальдо Западной Германии (хотя экспорт Японии достиг в 1986 всего лишь 209 миллиардов долларов, то есть меньше чем экспорт Западной Германии). Это объясняется тем, что Япония импортировала на сумму в 126 миллиардов долларов, то есть гораздо меньше, чем Западная Германия.

Таким образом, в большом планетарном треугольнике США-Япония-Западная Европа в 1986 году выявилось следующее торговое неравенство: США имели дефицит по отношению к Японии в 51 миллиард долларов, а Западная Европа в 16 миллиардов долларов.

Такие результаты можно считать поразительными, особенно если не забывать, что сорок лет тому назад и Япония и Западная Германия были побежденными странами, а США были главной страной-победительницей. Очень часто такое положение объясняется наличием свободного рынка в Японии и Западной Германии. Однако, как будто такой свободный рынок имеется и в США? Да, но не совсем. Капиталистическая система в США ограничивает рынок сложной сетью финансовых и прочих монополий, в то время как в Японии и в Германии все монополии после войны были ликвидированы, что помогло быстро подняться этим двум странам, как на это указал в одной из своих статей А. Федосеев.

Кроме того, подъему Японии и Западной Германии после войны помогло отсутствие профессиональных партийных кадров, всегда тормозящих как политическую, так и экономическую жизнь. Профессиональные партийцы в Японии и в Германии в подавляющем большинстве оказались скомпрометированы войной, и по отношению к ним оккупационные власти издали ряд дискриминационных законов. Были созданы совершенно новые партии, в которые не вошли партийцы, а лучшие люди этих стран, пытавшиеся что-то сделать в новых установленных рамках. Таким образом, послевоенный старт этих двух стран был без монополий и без профессиональных партий. И то и другое стало появляться гораздо позже.

П. Н.

чается — сэр Бьюкенен оставался в России очень долгое время и после революции. Однако, все указания на "английскую интригу", в том числе и указание ген. Спиридовича, носят замечательно расплывчатый характер. С таким же основанием можно сослаться на игогов, магов, волшебников и прочих людей того же сорта. Н и о д н о г о конкретного факта я нигде в литературе не нашел. И кроме того, если даже и была "интрига", то "интрига" распоряжалась русскими генералами, как пешками. Теория политической ошибки может дать "смягчающее вину обстоятельство". Теория "английской интриги" не дает н и к а к о г о. Люди оперирующие этой последней теорией просто не дают себе труда д о д у м а т ь дело до конца: английская интрига — это значит английское золото. О царубийстве 11-го марта так и говорилось: английское золото. О перевороте Февраля говорится туманнее: просто "интрига". Каким именно способом могла "английская интрига" подчинить себе русский генералитет — об этом, кажется, не говорил никто. Можно как угодно выворачивать на-изнанку роковые события Февраля, но, — если придерживаться точки зрения "английской интриги", это будет означать, что русские генералы продали Русского Царя по приказу иностранного посольства. Это, конечно, будет на много хуже политической неграмотности.

ЗАЧЕМ ЭТО НУЖНО ?

Нам, народным монархистам, — не "цензовым" и пр., необходимо установить ту п р а в д у, что между Царем и Народом, если и было "средостение", то не было антагонизма. Что если Государь Император делал для России и для народа все, что только было в человеческих силах, — то и Народ отвечал Ему своим доверием. Что революция — обе революции: и Февральская и Октябрьская вовсе не вышли из народа, а вышли из "средостения", — которое хотело в одинаковой степени подчинить себе и Монархию и Народ.

— 86 —

В ЧЕМ, СОБСТВЕННО, "ФАЛЬШИВКА"

В течение более чем трех десятков лет склоняется во всех мыслимых и немыслимых падежах "народная Февральская революция". Я, опираясь почти на п р а в ы е источники, а также и на более или менее общеизвестный ход событий 1916-17 г., пытался п о к а з а т ь, что к Февралю "народ" не имел ровно никакого отношения. И А. Мосолов, и И. Якоби, и С. Ольденбург — люди правые, оперируют все время терминами "дворцовый заговор", "военно-дворцовый заговор", "измена б р о д и л а вокруг престола". Конечно, и сто тысяч чухонских баб входит все таки в состав "народа". Входят, конечно, и тысяч двести запасных. В общем и бабы и гарнизон дали бы от одной десятой до одной пятой о д н о г о процента всего населения страны. Остальных 99 % . . . никто ни о чем не спрашивал. И если ген. Эверт в своей телеграмме утверждал, что "на Армию в ее настоящем составе рассчитывать при подавлении внутренних беспорядков — нельзя", то совершенно очевидно, что, — можно ли, нельзя ли — этого ген. Эверт знать н е м о г. Ибо подавлять он и не пробовал. Так же очевидно, что е с л и б ы даже на всю армию, действительно, рассчитывать было нельзя, то десяток надежных дивизий для этого, во всяком случае, нашелся бы. Однако, "надежных дивизий" в Петроград не пустила Ставка, то есть ген. Алексеев.

Февраль 1917 г., это почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросшего в март, июль, октябрь и так далее . . . Нет, конечно, никакого сомнения в том, что революционные элементы в стране существовали, — в гораздо меньшем количестве, чем в 1905 г., но существовали. В 1905-6 г. г. их подавили. В 1917 г. их подавлять не захотели. Левые русские деятели несколько лет подряд хвастались своими достижениями Февраля — пока целый ряд документов доказал с безусловной степенью очевидности, что в ф е в р а л ь с к и х событиях они были совершенно не причем. Дальнейшие события показали, что хвастаться вообще нечем.

— 84 —

С. Ольденбург выражается не совсем точно: приказы Государя не только не передавались — они отменялись.

Получив, наконец, достаточно веские данные о положении дел в Петрограде, Государь Император решил лично отправиться в столицу, но перед этим Он отдал приказ об отправке туда шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков — из самых надежных, — плюс пулеметные команды. (На фронте "надежных частей" было сколько угодно). Ген. Алексеев был п р о т и в отправки этих частей, считая, что "при существующих условиях меры репрессий могут только обострить положение". По словам того же ген. Алексеева, Государь не "захотел разговаривать с ним" (С. Ольденбург, стр. 248). И этот приказ Государя Императора б ы л с о р в а н : ген. Рузский своей властью распорядился не только прекратить отправку войск в помощь ген. Иванову, но и вернуть обратно в Двинский район уже отправленные эшалоны. В ту же ночь из Ставки было послано на Западный фронт от имени Государя, предписание: уже отправленные части задерживать на больших станциях, остальных — не грузить.

Что касается войск Юго-западного фронта (г в а р д и и), то С т а в к а еще днем 1-го марта сообщила ген. Брусилову, чтобы отправка не производилась до особого уведомления (стр. 253) . . . ! "Меры противодействия революции — отправка войск в поставший Петроград — были отменены и м е н е м Государя, но помню Его воли".

Между тем, пресловутый Бубликов сам признавал:

"Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено" (стр. 251).

Может быть, не нужно было даже и дивизии: там, где "восстание" наткнулось на какое то сопротивление, оно таяло, как дым: на трубочном заводе поручик Гесса застрелил агитатора, и вся толпа разбежалась, бросив и знамена и лозунги. Так что, может быть, хватило бы

— 79 —

министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не Моих рук дело . . ."

"Государь перебирал с н е о б ы к н о в е н н о й я с н о с т ь ю взгляды тех лиц, которые могли бы управлять Россией в ближайшие времена . . . И высказывал свое убеждение, что те общественные деятели, которые несомненно, составят первый же кабинет, все люди совершенно неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться с своей задачей".

Сейчас, тридцать пять лет спустя, мы обязаны отдать должное "необыкновенной ясности" Государя Императора: "деятели" действительно не справились. Но, во всяком случае, со стороны Государя Императора, — если верить этой записи, — это был категорический отказ от "ответственного министерства". С. Ольденбург дополняет этот отказ и своими соображениями: бунт усмирится не уступками, а вооруженной силой. Однако, было уже сделано в с е, чтобы вооруженная сила не смогла применить своего оружия.

На следующее же утро ген. М. Алексеев, получив от ген. Рузского телеграмму с изложением этой исторической беседы, поставил вопрос ребром: уже не ответственное министерство, а отречение от Престола. В 10 часов 15 минут 2-го марта ген. Алексеев разослал всем командующим фронтам телеграмму следующего содержания:

"Его Величество находится в Пскове, где изъявил свое согласие объявить манифест, идя навстречу народному желанию, учредить ответственное министерство перед палатами и поручить председателю Государственной Думы образовать кабинет. По сообщению этого решения Главкосево председателю Государственной Думы, последний в разговоре по аппарату в три с половиной часа утра 2-го марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27 февраля, в настоящее время этот акт является запоздалым, что

— 81 —

и семисот георгиевских кавалеров ген. Иванова. Но не пустили и их. В Таврическом дворце от времени до времени вспыхивала паника: вот придут части с фронта — и тогда что?

Словом, Государь отдал приказ о переброске в столицу шести кавалерийских дивизий и шести пехотных полков и пулеметных команд, — и направился в заранее подготовленный для Него тупик. Поезд застрял на станции Малая Вишера — в 150 километрах от Петрограда, потом вернулся на станцию Дно и со станции Дно направился в Псков, в Ставку Северного фронта, которым командовал ген. Рузский.

Там, в Пскове, вечером 1-го марта произошла истинная историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Нужно иметь в виду, что до этой беседы Государь Император провел сорок часов в поезде и был начисто отрезан от какой бы то ни было информации. В Ставку ген. Рузского Государь Император прибыл, по всей вероятности, как на некий опорный пункт. Сейчас же Он получил телеграмму от ген. Алексеева с уже готовым манифестом об ответственном министерстве. Именно этому министерству была, повидимому, посвящена историческая беседа между Государем Императором и ген. Рузским. Часть этой беседы передает С. Ольденбург по записи князя Васильчикова, со слов ген. Рузского — так что за точность передачи ручаться никак нельзя. До этой беседы ген. Рузский сказал свите Государя Императора: "нужно сдаваться на милость победителей". И, повидимому, вся беседа была посвящена именно вопросу этой капитуляции.

"Ген. Рузский с жаром доказывал необходимость ответственного министерства. Государь возражал спокойно и хладнокровно и с чувством глубокого убеждения: "Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится. Будут ли министры ответственны перед Думой и Государственным Советом, или нет — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается

— 80 —

ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы, председателю Думы хотя пока и перят, но он опасается, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича, обстановка повидимому не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что Армия и работа железных дорог находится фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти Действующую Армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу Династии нужно поставить на первый план, хотя бы ценой дорогих уступок. Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно через Главкосева, известив меня, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России, и что между высшими начальствующими лицами армии нужно установить единство мысли и цели и спасти Армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

Алексеев,

2-го марта, 10 час. 15 мин., 8 101872".

Одновременно с этой телеграммой ген. Рузский посылает в Ставку телеграмму, в которой сказано, что "при существующей обстановке он не считает возможным сосредоточение железнодорожных батальонов к Пскову, прибытие же их может лишь только осложнить

— 82 —

Основную "осевую" роль в этом перевороте играл, конечно, генералитет — в этом тоже не может быть ни малейшего сомнения. Без самой активной, технически тщательно продуманной помощи генералитета, ни А. Гучков, ни даже пресловутый Бубликов само собою разумеется, не могли сделать н и ч е г о . Вопрос заключается в следующем: из каких же соображений действовал русский генералитет?

Самое вероятное объяснение сводится к тому, что политически он был вопиюще неграмотен. И очень может быть, что Гучкову и прочим людям Земторга и Военно-Промышленного Комитета, сталкивавшимся с генералитетом, удалось убедить генералов в том, что политика Государя Императора действительнo ведет Армию к поражению и страну к гибели. Вне всякого сомнения, на этот генералитет производилось очень сильное давление справа. Самое снисходительное объяснение всей техники заговора могло бы заключаться в том, что генералитет был искренне уверен в неспособности Государя Императора, во влиянии Государыни Императрицы (Распутин к этому времени уже отпал), и в том, что "вся страна" настроена против Монарха. Это, конечно, не очень лестное объяснение, но все таки наименее нелестное, какое только можно подыскать. В неразумно правых кругах имеет хождение вариант об "английской интриге". С. Ольденбург этому варианту не верит: "Весьма мало правдоподобно, чтобы Англия, особенно в такой момент, когда исход войны еще не определен, отважилась бы на страшный риск крушения великой союзной державы". М. Палеолог отрицает "английскую интригу" самым категорическим образом и в качестве иллюстрации, ссылается на совершенно такую же легенду о той же английской интриге, связанную с царубийством 11-го марта 1801 г. Легенду об интриге лорда Уитворта М. Палеолог обрывает самым простым образом — указанием на то, что лорд Уитворт покинул Россию почти за год до убийства Императора Павла Первого. В отношении к Февралю такой способ исклю-

— 85 —

обстановку". Этим отрезывается для Императорского поезда возможность прорваться в Петроград.

Итак: фронтовые дивизии и полки оставлены. Железнодорожные батальоны оставлены. Ген. М. Алексеев сколачивает единый фронт генералитета уже не для ответственного министерства, а с требованием отречения. Ген. М. Алексеев ссылается при этом на данные Родзянки. В распоряжении ген. Алексеева, кроме данных Родзянки, должны были быть и данные военной контр-разведки, которая была подчинена Ставке, которая работала действительно скандально плохо, но которая все таки могла уловить положение в Петрограде — уловил же его пресловутый Бубликов: довольно одной дисциплинированной дивизии, и вся эта охваченная, так сказать, превентивной паникой толпа просто разбежится.

Главнокомандующие фронтами и флотами — за единственным исключением ген. Хана Нахичеванского, поддержали "единый фронт". В телеграммах Государю Императору была вся та фразеология, которую вы еще и сейчас можете найти на страницах крайне правой прессы: и коленопреклонение, и рыдание, и "помощь Божию", и все, что хотите — но во всех них стояло категорическое требование отречения. Государь Император оказался начисто изолированным от армии и от столицы, — как это и планировал А. Гучков. Телеграммы главнокомандующих, во всяком случае, означали одно: отказ от повиновения и от поддержки. Оставалась вооруженная охрана Императорских поездов. Что было делать?

План А. И. Гучкова удался на сто процентов. Дальнейшие проценты он стал приносить впоследствии, — вплоть до сегодняшнего дня. А. И. Гучков в сопровождении В. В. Шульгина приехал в Псков диктовать Императору условия отречения. Этой диктовки Император не принял, — текст отречения написал Он сам.

Так был закончен "династический переворот", который, если верить С. Ольденбургу, стал вчерне намечаться еще в столыпинские времена.

— 83 —

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

О ДЕЛЕ САМАРИНА

Приговор окружного суда США по делу Самарина, опубликованный в "Русской Жизни" от 28-6-86 года обвиняет его в "антисемитских статьях" в газете "Речь" в городе Орле во время немецкой оккупации в 1942-1943 гг. В качестве прецедента суд ссылается на дело Федоренко, обвиненного в службе в немецком концлагере.

Решение суда противоречит принятому в американской юстиции принципу "явной и наличной опасности", сформулированному Верховным судом США в 1919 году по делу Schenk v. United States.

Согласно этому принципу, лицо может привлекаться к ответственности, только если его выражение мнений "может непосредственно вызвать немедленные действия, представляющие серьезную угрозу безопасности". На этом основании, Верховный суд в 1957 году отменил приговор членам компартии США по закону Смита, не усмотрев в их деятельности явной и наличной опасности американскому государству.

В связи с этим, ни прецедент по делу Федоренко не подходит под дело Самарина, ни статьи Самарина не подходят под обвинение.

В Орле и вообще в оккупированной России в 1942-43 гг. не оставалось в живых ни одного еврея, поскольку нацисты истребляли их в первые же дни оккупации. Поэтому статьи Самарина, какими бы они ни были, не могли создавать никому "явной и наличной опасности".

Можно указать, что в США сейчас издается пронацистская и антисемитская литература, в том числе и на русском языке ("Русское самосознание"), но американская юстиция их не преследует.

Е. Кармазин (Франция)

ОТВЕТ ЛЁШИНУ

Прочитав в № 1894 "Нашей Страны" статью В. Лёшина "Кругом измена, трусость и обман" я подумала: как уже мало осталось свидетелей тех тяжелых, трагических дней, тем более тех, кто переживал их в Царской Ставке — в Штабе Верховного Главнокомандующего. Возможно, что я уже осталась одна и тем более я считаю обязанной изложить те события как они происходили в Ставке. Все мемуаристы излагают события и придают им свой оттенок, и суд по ним выносят по склонности своего ума и сердца, а потому я буду говорить от себя, только в редких исключениях, а буду излагать мои мысли на основании документальных данных. В моих руках, присланная мне уже лет 30 назад, книга "Отречение", написанная полковником генерального штаба Б. Н. Сергеевским, бывшим в те трагические дни начальником Службы Связи Штаба Верховного Главнокомандующего, то есть того Отделения через которое проходили все сношения Ставки с войсками и правительством. Им собраны многие документы и на основании их издана его книга "Отречение", вышедшая в 1969 году в издательстве "Военного Вестника" в Нью Йорке.

По получении из Петрограда от военных властей сведения, что они своими силами справиться не могут с начавшимся мятежом и просят по-

мощи с фронта, по желанию Государя Императора были посланы из Могилева 26 февраля, около 2-х часов дня, часть собственного Его Величества полка, часть Конвоя Его Величества и часть Георгиевского батальона и с диктаторскими полномочиями для Петрограда, по выбору Государя, генерал Иванов, человек безусловно преданный Царской Семье, но уже устаревший и потерявший энергию, почему и был отрешен от командования Юго-Западным фронтом и жил на покое в Могилеве, состоя в распоряжении Его Величества. В тот же день, по распоряжению генерала Алексева, всем Главнокомандующим фронтами был отдан приказ о посылке с фронта войск в Петроград, придав им в командование энергичных генералов. Начало перевозки войск должно было начаться 27 февраля ("Отречение", стр. 10).

Автор статьи пишет: "Таким образом (у мятежников) встала необходимость склонить на свою сторону высших начальников армии..." 28 февраля, информируя главнокомандующего о положении в Петрограде, генерал Алексеев заканчивает свою телеграмму словами: "Сообщая об этом, прибавляю, что на всех нас лег священный долг перед Государем и родиной сохранить верность долгу и присяге в войсках действующих армий (Борель, "Ставка в мятежные дни", стр. 70, издание Аргентинского Отдела РОВС). В тот же день утром, 28 февраля генералом Алексеевым было отдано распоряжение на Службу Связи, прекратить всякое сношение с мятежным Петроградом: "никаких телеграмм не передавать и никому по проводам никаких разговоров не вести" ("Отречение", стр. 17). Таким образом Ставка прекратила всякое сношение с мятежниками.

Дальше автор статьи пишет: "... уговаривающих (об отречении) было двое: Рузский и Алексеев". А об генерале Алексееве известно, что когда Государь сказал ему о своем

намерении уехать в Царское Село, то он коленипреклоненно умолял Государя не покидать Ставку в эти тревожные дни, не подвергать свою судьбу возможным случайностям, но, если Его Величество почему-либо не доверяет Ставке, лучше поехать и переехать мятежное время в расположении войск Гвардии, в верности которых Государь не может сомневаться ("Отречение", стр. 16, Борель, стр. 67). По распоряжению Государя, 27 февраля в 8 часов вечера, генерал Воейков, по прямым проводам Ставки вел продолжительный разговор с Царским Селом. Решался вопрос о возможности приезда всей Царской Семьи в Ставку, но ввиду тяжелой болезни (кори) Наследника Цесаревича и Великих Княжен Ольги и Татьяны, Императрица сочла это невозможным. Во время этих переговоров генерал Воейков несколько раз уходит с телеграфными лентами то к Государю, то к генералу Алексееву, который был в это время тяжело болен и лежал с высокой температурой и болями в почках ("Отречение", стр. 15). Вследствие этого разговора, Государь окончательно решил уехать и в ночь на 28 февраля в 2 часа 30 минут отбыл из Могилева. Несмотря на болезнь генерал Алексеев провожал Государя. Сергеевский пишет, что в эти три часа (переговоры генерала Воейкова с Царским Селом) фактически решалась судьба Империи: решено было то, что привело к двухсуточному перерыву действий Верховной Власти. "Революция" же работала во всю и укрепляла свое положение" ("Отречение", стр. 15).

По принятым правилам дворцовый комендант генерал Воейков должен был сообщить в Ставку о движении поездов но, кроме первых ближайших станций, никаких сообщений в течение 48 часов не было, что вызвало огромную тревогу в Ставке, тревогу за судьбу Императора и судьбу России, так как мятеж ширился. За эти часы беспорядки перекинулись в

Москву, Кронштадт, Гельсингфорс, бунтовала часть Балтийского флота, в Гельсингфорсе было убито много морских офицеров, был убит адмирал Непенин.

Наконец 1-го марта, около 6 часов вечера ("Отречение", стр. 23-25) получена по железнодорожным проводам телеграмма генерала Воейкова, сообщавшая генералу Алексееву, что поезда стоят на станции Дно, путь разобран и что Его Величество желает поехать в Псков, к ближайшему аппарату ЮЗА. Сейчас же из Ставки сделано распоряжение Штабу Северо-Западного фронта о восстановлении пути, что и было немедленно исполнено. Тогда же генерал Алексеев посылает телеграмму генералу Воейкову с просьбой доложить Государю о желательности возвращения Его Величества в Ставку. Ответа от генерала Воейкова не последовало (Борель, стр. 69). Царские поезда прибыли в Псков в ночь на 2-е марта в 0,20 минут.

Прибыв в Псков Государь отдает телеграммой распоряжение генералу Иванову (2-го марта в тот же час), которая гласит: "Надеюсь прибыли благополучно, Прошу до Моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать. Николай" (Борель, стр. 70, "Отречение", стр. 30-31). Тогда же ночью на 2-е марта Государь соизволил подписать Манифест о даровании Ответственного Министерства и, не ожидая ответа на этот акт из Петрограда, отдает генералу Рузскому распоряжение об остановке всех войсковых перевозок в Петроград. Тогда же ночью на 2-е марта, генерал Рузский, соединившись со Ставкой, просит разбудить больного генерала Алексеева и передает ему, для исполнения, распоряжение Государя остановить всю перевозку войск, направленных для подавления восстания. Но генерал Алексеев категорически отказывается это исполнить без личного повеления Государя. Однако того же числа утром, Государь в собственноручно написанной телеграмме (№ 1064) на имя главного Начальника Военных Сообщений (копия Начальнику Штаба) отдает приказ остановить движение эшелонов с войсками на Петроград. Таким образом — даже помимо генерала Алексеева (Борель, стр. 70). В эту ночь генерал Рузский долго разговаривал по телефону с Родзянко, который заявил, что дарование Ответственного Министерства запоздало и требуется отречение Государя.

Вслед за тем последовало повеление Государя, переданное генералом Рузским генералу Алексееву, запросить по этому поводу мнения Главнокомандующих фронтами. Впоследствии, генерал Алексеев с горечью вспоминал этот разговор с генералом Рузским, как ложно его ориентировавшим ("Отречение", стр. 49). Тогда, 2-го марта в 10 часов 16 минут, генерал Алексеев посылает Главнокомандующим информационную телеграмму, передавая разговор генерала Рузского с Родзянко и мнение Родзянки, что Манифест запоздал и теруется отречение и приводит слова генерала Рузского, что "обстановка, видимо, не допускает иного решения".

Генерал Алексеев своего мнения не приводит, предлагая Главнокомандующим донести свои мысленные непосредственно Государю Императору, Но ответы пришли через Ставку и, препровождая их Государю Импера-

Волею Божией 18 января с. г. на 89-ом году жизни скончался в Буэнос Айресе Всевеликого Войска Донского Лейб-Гвардии Атаманского полка есаул



ГЕОРГИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРЕКОВ

о чем с прискорбием сообщают вдова Салония Георгиевна, сын с семьей и дочь

Среди книг

БОЛЬШЕВИКИ И ИСКУССТВО

В книге академика В. Обручева "Тригорий Николаевич Потанин. Жизнь и деятельность" (Издательство Академии Наук, Москва-Ленинград, 1947), излагающей биографию известного путешественника по Монголии, Китаю и Тибету, мы находим следующее место:

"Из крупных политических ошибок, сделанных Г. Н. Потаниным после 1917 года, упомянем о следующем. Летом 1918 года, противники Октябрьской революции внушили ему, что диктатура пролетариата — это смерть культуре, живописи, нашим классикам — Пушкину, Гоголю, Тургеневу, это гибель талантов, нивелировка способностей и дарований. Будучи с ранней молодости поклонником художественного слова, Потанин ужаснулся и написал в местной газете статью, в которой упрекал со-

ветскую власть в преследовании талантов, которые своими произведениями создают человечеству радость, помогают хорошему в человеке одолевая его плохое. А весной 1919 года, Г. Н. Потанин, уже почти совсем слепой, не вдумавшись в содержание, подписал воззвание против советской власти".

Потанин-то, без сомнения, как раз хорошо понял сущность советской власти, и прекрасно таковую сформулировал. На его счастье, он умер своею смертью в 1920 году; не то бы ему, уж наверное, позже эти грехи бы припомнили. И если он физически в те годы слеп, то морально и политически оставался, безусловно, вполне зрячим.

Вероятно, и Обручев все это отлично понимал. Но он писал уже в такие годы, когда о правде в "стране победившего социализма" и речи не могло быть, в силу чего и писал согласно большевизской указке.

Савва Юрченко

тору, генерал Алексеев заканчивает свою уже последнюю Государю телеграмму, словами: "Всепреданнейше докладывая эти телеграммы Вашему Императорскому Величеству, умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь внушит Вам, промедление грозит гибелью России. Пока армию удастся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города, но ручаться за дальнейшее сохранение воинской дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики, будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России и развал ее. Ваше Императорское Величество горячо любите Россию и ради ее целостности, независимости, ради достижения победы, соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося болни чем тяжелого положения. *Ожидая повелений*"

Ольденбург писал: "конечно, об отречении", а полковник генерального штаба Е. З. Месснер, на это как-то сказал: "генерал Алексеев был строго дисциплинированным офицером Императорской армии и любое повеление монарха было им в точности исполнено".

Чем же был вызван такой страшный и однородный ответ Главнокомандующих? Теперь никто на этот вопрос ответить не может. Но теперь, когда многое можно анализировать, можно предположить что, как и Государя Императора страшила мысль возможной гражданской войны, так страшила она и военачальников.

Армия, при мирном течении жизни внутри страны, апрельское наступление выдержала бы. Но армия, после страшных, беспрерывных боев 1915 года, когда в течение весны и лета немцы, повторяющимися наступлениями, покрывая нашу безоружную армию беспрерывным огнем тяжелой артиллерии, взяв в клещи, стремились уничтожить и пленить ее; когда, как говорил генерал Алексеев, малейший промах военачальника мог создать новый Мукден, с большими потерями, все же удалось вывести нашу армию из этих клещей и сохранить ее боеспособность. Но армия была уже не та: кадровых офицеров, унтер-офицеров, а тем более солдат почти не оставалось.

Пополнения приходили едва обученные, за трехмесячное обучение не успевшие впитать воинский дух и дисциплину. Иногда (в 1915 году) прямо из поезда бросаемые в бой. Молодые и сами едва обученные офицеры, хотя проявляли себя в боях прекрасно, но прежним авторитетом у солдат не пользовались. Уже в 1916 году были, мне известные, два случая отказа полков выступить на передовые позиции, ликвидированные мирным путем: один — увещанием о. Георгия Шавельского, другой — личной интервенцией командира корпуса генерала Скоропадского (будущего гетмана).

Ко 2-му марта положение было таково: по повелению Государя было приостановлено движение войск на мятежный Петроград, генерал Иванов ожидал новых распоряжений Государя, а Лейб Бородинский полк, посланный на усмирении и достигший станции Луги позорно сдался на провокацию: ни командир полка, ни никто из офицеров не решились исполнить своего долга, а перед угрозой (фиктивной) быть расстрелян-

ными артиллерией (не существовавшей) велели солдатам сложить оружие. Пока был мир внутри, армия казалась крепкой, но первый толчок в виде Приказа № 1 в один месяц превратили мощную, казалось, армию в толпу шкурников и дезертиров. Тогда не было известно то, что знаем теперь, что наша революция была подлым замыслом, была субсидирована и руководима немецким Генеральным Штабом и потому немцы не предпринимали никаких активных действий на фронте, давая благоприятно для них развиваться событиям внутри. А начнись гражданская война — не известно как бы они реагировали.

Наступил трагический для России день 2-го марта. Весть отречения как громом, страшным ударом поразила как всех чинов Ставки, так и генерала Алексеева — отречение и за Сына. Около часа ночи на 3-ее марта в Ставку были переданы тексты Указа Сенату и Акт отречения от Престола за Себя и за Сына. Приблизительно через полчаса-час поступила на Службу Связи телеграмма генерала Алексеева об объявлении этих документов войскам и населению театра военных действий и о немедленном приведении войск и населения к присяге на верность Императору Михаилу Александровичу ("Отречение", стр. 55). Но телеграмма эта была вскоре приостановлена, так как по Основным Законам к присяге можно приводить только после Манифеста нового Императора о вступлении на Престол. Но генерала Алексеева такое положение очень беспокоило и он торопил со скорейшим приведением к присяге войск. Эти Акты были уже переданы во все 14 Штабов Армий, когда около 5-ти часов утра, их пришлось срочной телеграммой задержать по указанию из Петрограда (связь с Петроградом была восстановлена 3-го марта).

В ночь на 3-ее марта сообщено было о возвращении Государя Императора в Ставку. По распоряжению генерала Алексеева было приказано всем офицерам Ставки, а также союзным представителям, собраться к 7-ми часам вечера на военной платформе (куда обычно прибывали царские поезда). Обыкновенно Государя встречали только Великие Князья и генерал Алексеев. Что хотел этим распоряжением, этой встречей, выразить Государю генерал Алексеев, думаю каждый поймет. Эта встреча очень сильно описана в "Отречении" полковника Сергеевского (стр. 59-60).

Хотя автор статьи ссылается на воспоминания генерала Кондзеровского, что среди чинов Ставки очень скоро появились революционные элементы, но я могу свидетельствовать, что таковых, во всяком случае, до отбытия Его Величества из Ставки 8-го марта, не было. Думаю, что они появились гораздо позже, уже когда Верховным был назначен генерал Брусилов и открыто стал на сторону революции. О таком вернопреданном отношении чинов Ставки к отречению Государя Императору особенно ярко свидетельствует сцена прощания Государя с чинами Ставки ("Отречение", стр. 76-79) и так продолжалось и дальше, во всяком случае, насколько знаю, до ухода генерала Алексеева.

Об отречении Великого Князя Михаила Александровича стало известно в Ставке утром 4-го марта и

тогда были сообщены Главнокомандующим все Акты: Отречение Государя Императора и Великого Князя Михаила Александровича. Когда приводились войска к присяге точно не помню, но кажется уже после отбытия Государя из Ставки. Никакого революционного праздника в Ставке устроено не было и никакие войска "с музыкой и красными бантами", как пишет автор статьи, мимо дворца не проходили, да и вообще по расположению дворца и войсковых казарм, мимо дворца проходить не могли. Войска, не помню в какой день, были собраны на соборной площади, чтобы им объявить о печальных событиях и передать просьбу Государя служить верно России.

Было дано распоряжение генерала Алексеева, чтобы в отношении Государя Императора в Ставке все оставалось по прежнему, по утвердившемуся ритуалу. 4-го марта утром Государь как всегда пришел в Штаб для оперативного доклада и был встречен, как всегда, по принятым правилам, и солдаты отвечали на приветствие Государя в Ставке, до Его отъезда. Доклад, как всегда, происходил в присутствии трех генералов: генерала Алексеева, генерала Клембовского, генерала Лукомского, но он был короче обыкновенного и генерал Кломбовский и Луковский вышли раньше, а затем Государь еще долго оставался с одним генералом Алексеевым ("Отречение", стр. 66-67). Временное Правительство требовало сокращения пребывания в Ставке Государя, на что генерал Алексеев ответил: "Его Величество пробудет в Ставке столько, сколько Ему будет угодно". И во все время пребывания Государя в Ставке генерал Алексеев ходил с докладом к Его Величеству и, по желанию Государя, приказал отпечатать копии Приказов № 1 и № 2 (свидетельствует полковник Тихобразов, помощник начальника Оперативного Отделения, личным письмом ко мне). На появление и распространение в войсках Приказа № 1, посланного из Петрограда по фронтам помимо Ставки и посылаемых в войска агитаторов, генерал Алексеев отдал приказ по армиям, что таковые должны немедленно захватываться и предаваться на месте военно полевому суду (то есть расстрелу) 4-го марта 1917 года, телеграмма 1954. Перед отъездом из Ставки Государь Император написал свой прощальный Приказ войскам, который немедленно из Ставки был передан на все фронты и в некоторых местах успел достигнуть штабов корпусов, когда, по гражданскому телеграфу был Временным Правительством остановлен.

Назначение генерала Алексеева, после отречения Государя Императора, Верховным, было совсем не потому, как пишет автор статьи, что генерал Алексеев "сразу же приспособился к новой обстановке и стал верно служить новой власти", а потому что, Временное Правительство, получив эту власть, к которой оно совсем не было подготовлено, пока не осмотрелось, не делало никаких перемен на верхах армии, но уже очень вскоре Родзянко писал князю Львову, предостерегая его не доверять генералу Алексееву, "ибо это не наш человек". Генералу Алексееву пришлось назначение принять, так как отрекся Император, но Россия оставалась, упорный враг все же был грозен, надо было продолжать службу

— служение не Временному Правительству, а России, хотя и сознавая весь ужас создавшегося положения. Через месяц, видя полное разногласие генерала Алексеева с правительством, он был уволен.

8-го марта утром, во все отделение Ставки было по телефону передано сообщение генерала Алексеева, что Его Величество, отбывая сегодня в Царское Село, хочет попрощаться со всеми чинами Своего Штаба и поэтом генерал Алексеев отдает распоряжение всем чинам Ставки собраться в зале Управления Дежурного Генерала, а также чтобы от каждой воинской части были посланы представители от нижних чинов. Ровно в 10 часов прибыл Государь. По свидетельству полковника Сергеевского, Государь тяжело дышал. Первые минуты стояла абсолютная тишина, потом Государь заговорил: "Господа, мне очень тяжело говорить... это последствие принятого мною решения..." Потом Государь благодарил всех чинов Ставки "за сверх-отлично несущую ими службу" и призывал впредь добиваться победы над врагом. Затем Государь начал медленно обходить собравшихся. "Я ясно помню, пишет полковник Сергеевский, что Он шел чрезвычайно медленно, как бы стараясь каждому заглянуть в глаза и впереди стоящим, и стоящим за ними, и стоящим в глубине. Пока он говорил было очень тяжело, но теперь в полной тишине, стало совсем непереносимо... Начались истерики, рыдания среди офицеров, кто-то упал в обморок... А Государь, точно ничего не замечая, продолжал свой обход". Окончив обход офицеров, Государь повернулся к нижним чинам и им сказал приблизительно то же слово, но в более простых и сердечных словах... У всех солдат лица были красные от слез. Государь повернулся к выходу, но генерал Алексеев заступил ему дорогу и взволнованным голосом сказал несколько слов благодарности, как Верховному Главнокомандующему, покидавшему глубоко Его почитавший Штаб. Затем генерал Алексеев сделал шаг в сторону. "Но, пишет полковник Сергеевский, Государь обнял его, крепко прижал к Себе и трижды облобызал. Этот... царственный жест я видел в одном шаге от себя и мне с необычайной яркостью запомнилось, что каждый из этих Царских поцелуев длился по несколько секунд". Что же это означает? И какие чувства испытывал при этом Государь к генералу Алексееву? "Затем молча и не оборачиваясь Государь пошел к выходу... и вдруг быстро шагнул назад; вся площадка лестницы и сама очень широкая лестница вверх и вниз была битком забита солдатской массой. Но в следующий момент Государь решительно шагнул вперед и послышался Его очень громкий голос: "Здорово, братцы". И загредел такой ответ какого я, кажется, никогда не слышал — все окна дребезжали: "Здравия желаем, Ваше Императорское Величество". — Прощайте, братцы" — "Счастливого пути, Ваше Императорское Величество" — и вслед за этим много-сот-голосный рев рыданий ("Отречение", стр. 75-79). Так Ставка провожала своего Государя.

В. Борель (Аргентина)

От редакции: Вера Михайловна Борель является дочерью генерала М. В. Алексеева.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилиями или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 0,50. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 4 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917 Editor: Miguel Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO	Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B)	Interes general. Conces.No. 3980